

КАТАРИНА
МОРА

*Bittersweet
Memories*

ГОРЬКО-СЛАДКИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(512)
ББК 84(5Кит-5Гон)-44
М79

Catharina Maura
BITTERSWEET MEMORIES (#4 in Off-Limits series)

Copyright © 2024 by Catharina Maura
Cover Art © Catharina Maura

Перевод с английского *Мадлены Хайдар*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Rumdecor, graficriver_icons_logo / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Мора, Катарина.

М79 Горько-сладкие воспоминания / Катарина Мора ;
[перевод с английского М. Хайдар]. — Москва : Эксмо,
2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-229903-2

После предательства парня Аланна решает отомстить, соблазнив его старшего брата Сайласа.

План казался простым, пока не выяснилось, что он — ее новый начальник. Работая вместе, они все чаще пересекают опасную грань между желанием и запретом.

Вскоре становится ясно: Сайлас знает о ней намного больше, чем должен. О прошлом, которое она забыла, и воспоминаниях, от которых она бежит.

Но некоторые тайны лучше не раскрывать...

УДК 821.111-31(512)
ББК 84(5Кит-5Гон)-44

ISBN 978-5-04-229903-2

© Хайдар М., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Для мечтателей, которые создают на Pinterest
жизнь своей мечты и сражаются за то,
чтобы воплотить эти мечты в жизнь.*

Все получится.

Per aspera ad astra¹.

¹ С латинского языка — «Через тернии к звездам». — *Здесь и далее прим. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Прошлое

Глава 1

САЙЛАС

При виде папиного гроба сердце разрывается на части. Боль настолько сильная, что сводит с ума. С каждым глотком воздуха мне становится еще больнее, и дыхание спирает от сдерживаемых эмоций и слез. Беспомощность и чувство несправедливости гложут меня. Почему отец? Как же так случилось, что его час пробил? Он был гораздо здоровее меня, придерживался правильного питания и регулярно занимался спортом, не пропуская тренировок. Это какой-то абсурд. Занимаю свое место напротив могилы, обводя взглядом толпу, собравшуюся попрощаться с отцом. Ощущают ли все эти люди ту же несправедливость, что и я?

В последние несколько дней у меня возникло ощущение, что я наблюдаю за всем происходящим со стороны, как будто меня вовсе не было, когда нам внезапно сообщили о том, что у отца случился инфаркт. Помню, как приехал в больницу и держал его за руку, не в силах понять, что пытаются сказать врачи. Мне казалось, отец просто спит. Его рука была еще теплой, и в отличие от того, что я читал о смерти, он совсем не окоченел. Я был уверен, что врачи ошиблись или, возможно, он просто разыгрывает меня. Мой отец всегда отличался своеобразным чувством юмора, и я надеялся, что это очередной розыгрыш.

Но я ошибался.

Сидящая напротив меня мачеха поднимается с места. Все мое нутро сдавливает от отвращения, растекающегося по мое-

му телу, что я едва могу смотреть на нее. На ней черная шляпка и слишком короткое и совсем неуместное для такого повода черное платье. Ее образ завершает пара черных туфель на подошве ярко-красного цвета под стать помаде на губах. Хотя я и понимаю, что каждый справляется с горем по-своему, меня не покидает чувство возмущения от безмятежной улыбки на ее лице с идеальным макияжем. Утром я с трудом заставил себя принять душ, и даже сейчас, сидя здесь, меня трясет от сдавливаемых рыданий. Как она может так улыбаться, едва потеряв мужа?

Мона окидывает взглядом огромную толпу, собравшуюся у могилы отца, чтобы проститься с ним. Как будто внезапно осознав, что все смотрят на нее, она на долю секунды замирает и, фыркнув, смахивает подступившие слезы.

— Спасибо всем, кто собрался здесь сегодня, чтобы почтить память моего покойного мужа, Джейкоба Синклера, — произносит она слегка дрожащим голосом. — Он оставил после себя двух замечательных мальчиков, и они являются живым доказательством того, каким чудесным человеком он был. Он окружил их любовью и заботой, привил им честь и снабдил их моральным компасом. Хотя мы потеряли Джейкоба, я нахожу утешение в том, что каждый день вижу его отражение в глазах сыновей.

Я пристально смотрю на младшего единокровного брата, сидящего рядом с опустевшим стулом матери. Склонив голову, Райан стиснул руки, уставившись на колени. Я вижу, как слезы капаят из его глаз, и ощущаю ту боль, которую он пытается скрыть. Райан, в отличие от мачехи, разделяет мою печаль, и это наполняет меня глубоким сожалением. Он несколько раз заглядывал ко мне, чтобы поделиться воспоминаниями о папе, как будто искал собеседника, который мог бы разделить его чувства.

Я всякий раз отталкивал его, не в состоянии смириться с тем, что отца больше нет. Будучи на пять лет старше, я должен был осознать, как сильно мой тринадцатилетний брат нуждается во мне, но я его предал. Мне не следовало прогонять его, нужно было обнимать, как не смогла бы его мать. Я должен

был поступить так, как папа ожидал бы от меня. Но я запутался в своих собственных эгоистичных чувствах.

Судорожно вздыхая, я провожу рукой по лицу, пытаюсь справиться с мыслями. Я едва могу сосредоточиться на словах мачехи. В ушах лишь глухое биение сердца. Во время надгробной речи я фокусируюсь на равномерном ритме сердца, желая поскорее убраться отсюда. Я не хочу видеть, как крышка гроба моего отца захлопнется. Мысль о его кремации невыносима — на земле не останется ни одной его частички. Почему-то я всегда предполагал, что он захочет быть похороненным, как и моя мать. Я мечтал о том, что будет место, куда я смогу приходить, чтобы навещать его, как мы с ним приезжали к маме. До сегодняшнего утра я даже не осознавал, что этого никогда не произойдет.

Мона делает шаг в сторону, и один за другим люди подходят к гробу отца, произнося последние слова прощания. Я же не в силах сделать то же самое. Я несколько раз видел отца в похоронном бюро после его смерти, но у меня чувство, что все это происходит в параллельной реальности.

Мой взгляд устремляется к Райану, который смотрит на отца. Я вижу в его глазах желание подойти, сказать последние слова на прощание, но он не решается. Внезапно меня охватывает волна ослепляющей ненависти к мачехе. Я встаю и, не успев осознать, что делаю, кладу руку на плечо Райану.

— Пойдем, — бормочу я. — Пойдем вместе.

Он смотрит на меня заплаканными глазами, в которых читается и вера, и облегчение. Порой трудно вспомнить, что Райан — не его мать. Не секрет, что мы с Моной не ладим, но наша вражда не должна затрагивать Райана.

Я веду его к гробу отца, и с каждым шагом его тело содрогается все сильнее. Когда мы останавливаемся перед гробом, Райан едва сдерживает рыдания.

— Папа, — шепчет он, и его голос срывается.

Наш отец выглядит таким умиротворенным, лежа в своем любимом костюме. Его густые темные волосы аккуратно уложены, а руки сложены одна на другую. Странно видеть его та-

ким — это он, безусловно, но в то же время кажется, что это вовсе не он. Я не верю в существование душ и тому подобное, но, когда я смотрю на неподвижную фигуру отца, меня охватывает ощущение, что его больше нет с нами.

Я крепко обнимаю Райана, тяжело сглатывая, пытаюсь сдерживать собственные слезы.

— Нам повезло, что он был с нами, Райан. Ты и я... мы продолжим папино дело.

Он кивает, прижимаясь ко мне, и я ободряюще сжимаю его плечо.

— Ты еще хочешь что-нибудь сказать папе? — спрашиваю я нежно.

На мгновение он замешкался.

— Спасибо, папа, — шепчет он так тихо, что я едва бы услышал его, если бы не стоял рядом. — Спасибо за Сайласа и за то, что всегда любил нас. Ты всегда учил нас быть храбрыми, и я постараюсь быть таким. Я... я буду самым лучшим братом и сыном, каким только смогу быть, и тебе никогда не придется беспокоиться о Сайласе и маме.

Мое сердце разбивается вдребезги, и я резко прикусываю губу. Мой дорогой младший брат намного лучше, и мне предстоит потрудиться над собой, чтобы стать таким, каким он меня видит.

— Пойдемте, — раздается голос Моны позади нас. — Его сейчас унесут.

Райан кивает и оборачивается на голос матери, но я не слеую за ним. Не могу. Я стою здесь, будто прикованный, и в последний раз смотрю на отца.

«Я люблю тебя, папа, — думаю я про себя. — Я всегда буду любить тебя. Обещаю, что ты будешь гордиться мной. Я стану тем человеком, каким ты мечтал меня видеть. Клянусь, с этого момента я начну меняться к лучшему. Я буду заботиться о Райане, как о собственном сыне. Хоть я до сих пор не уверен, что ты увидел ее истинное лицо, я сделаю все возможное, чтобы защитить его от Моны. Я сделаю все, что ты ждешь от меня. Это мое последнее обещание, которое я даю

тебе, и я клянусь, что сдержу его. Покойся с миром и будь уверен, что я буду рядом, чтобы защитить его. Я обещаю, папа».

Я делаю шаг в сторону, когда церемониймейстер, виновато улыбаясь, кладет руку на крышку гроба. Вот и все. В последний раз я вижу отца.

Я ухожу. Мне нужно немного побыть одному, прежде чем предстать перед бесчисленными гостями, пришедшими выразить соболезнования. Как на автопилоте, я шагаю по знакомой тропинке к могилам, которые скрываются за этим зданием. Я проходил здесь с отцом множество раз.

Как только поворачиваю за угол к могиле матери, замираю на месте, услышав тихие всхлипы. У подножия деревьев вдоль дороги сидит девушка в черном, ее колени подтянуты к груди, а лицо скрыто. Ее тело сотрясается от рыданий.

Не успев осознать, что делаю, я опускаюсь перед ней на колени, протягивая ей платок, вышитый заботливыми руками моей матери.

— Вот, — говорю я ей.

Девушка поднимает на меня глаза, и взгляд ее медово-карих глаз проникает мне прямо в душу. Она олицетворяет саму печаль, и в ней я вижу самого себя.

Глава 2

АЛАННА

Я смотрю в самые красивые темно-зеленые глаза, которые когда-либо видела, и с удивлением осознаю, что в них нет ни капли жалости... только понимание.

Дрожащими руками я беру платок и вытираю слезы.

— Спасибо, — произношу я хриплым голосом. Мое сердце болит так сильно, что кажется, будто мне вот-вот станет плохо. Я сжимаю платок в руках, словно надеюсь, что он придаст мне сил, которые мне так необходимы сегодня.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

Я смотрю в его глаза, и что-то в этом взгляде словно растворяет мою боль. Он стоит передо мной на коленях, вероятно испортив брюки своего костюма, но все его внимание сосредоточено только на мне.

— Аланна, — шепчу я, опуская взгляд.

Я рассеянно провожу пальцем по вышивке на носовом платке, почувствовав оцепенение.

— Psi?¹ — спрашиваю я, указывая на греческую букву, изображенную на платке.

Он кивает:

— Ты большая умница. Я удивлен, что ты знаешь эту букву.

¹ Psi/Ψ. Читается по-английски как «сай», «пси» или «псай», в тексте Ψ — прозвище Сайласа, название отдела Sinclair Security.

Я поднимаю на него возмущенный взгляд. Очевидно, он считает меня ребенком, и это меня раздражает.

— Почему Сай?

Он улыбается, но его улыбка не находит отражения в его взгляде.

— Это мое имя. Ну, или прозвище. Удивительно, что ты произносишь ее как «Сай». Большинство людей произносят ее как «Пси».

Сай. Что за прозвище? Полагаю, что его полное имя «Саймон». Немного старомодное, неудивительно, что он решил его сократить.

— Это древнегреческий, — бормочу я. — Никто точно не знает, как произносится эта буква, верно же? Насколько мне известно, оба варианта произношения считаются правильными.

Сай садится рядом со мной и улыбается мне. Я вдруг осознаю, насколько он красив.

— И где же ты этому научилась, юная леди?

Сощурившись, я смотрю на него:

— Мне *тринадцать*. Никакая я не юная леди. Скоро мне исполнится четырнадцать.

Он хихикает и качает головой.

— Да, я помню, как в твоем возрасте чувствовал себя взрослым. Я бы посоветовал тебе наслаждаться молодостью, но я сам всегда ненавидел эти слова. Всегда мечтал поскорее повзрослеть. Но я открою тебе тайну: даже когда ты станешь такой же взрослой, как я, внутри ты все еще будешь чувствовать себя ребенком.

Я закатываю на него глаза, и моя прежняя печаль улетучивается.

— Ладно, дедуля. Сколько тебе лет?

Он скрещивает ноги и улыбается.

— Мне восемнадцать. Я гораздо старше тебя.

Я качаю головой, хмыкнув.

— На пять лет, или даже на четыре с половиной. Ты ведешь себя будто старичок, а сам даже не можешь купить выпивку.